

Вологодский ЛИТЕРАТОР

№ 2(8), апрель 2015 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

С ПРАЗДНИКОМ 70-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ!

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Сергей ОРЛОВ

Русский язык! Тысячелетия создавал народ это гибкое, пышное, неисчерпаемо богатое, умное, поэтическое и трудовое орудие своей социальной жизни, своей мысли, своих чувств, своих надежд, своего гнева, своего великого будущего.

Л. Н. Толстой

Среди великолепных качеств нашего языка есть одно совершенно удивительное и мало-замечное. Оно состоит в том, что по своему звучанию он настолько разнообразен, что включает в себе звучание почти всех языков мира.

К. Г. Паустовский

Русский язык должен стать мировым языком. Настанет время (и оно не за горами), — русский язык начнут изучать по всем меридианам земного шара.

А. Н. Толстой

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

1944

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

Юрий МАКСИН

«НАС УНИЖАЮЩАЯ ЖИЗНЬ...»

НЕ ХОТЕЛОСЬ бы дожидаться до той поры, когда от всего русского останется один лишь мат. А предпосылки к тому имеют место быть.

Прислушайтесь, как разговаривают между собой молодые люди в русской провинции, по своей сути, казалось бы, призванной оставаться кладезем и заповедником русского языка. Посмотрите фильм «Левиафан» прославленного ныне режиссёра Андрея Звягинцева, лауреата престижных зарубежных премий. Впрочем, с нашей элитой всё ясно: чтобы получить премию за границу, нужно как можно сильнее унижить русский народ.

На улицах, на дискотеках матерятся даже девушки, с бравадой, с остервенением, с агрессией. Мат агрессивен, от этого никуда не деться.

Моё поколение ещё помнит речь бабушек — русских крестьянок, родившихся до революции. При невеликом образовании, всего в несколько классов церковно-приходской или земской школы, а то и вовсе без него, речь их была образной, а по нынешним временам так и высокохудожественной, потому что их словарный запас намного превосходил лексикон многих современных популярных авторов, пишущих на русском вроде бы языке.

Великая русская литература обходилась без мата и при этом оставалась и остаётся великой. Виртуозный мат может быть интересен в качестве экзотики, экзотического словесного блюда.

Но тот, который слышен повсеместно, — примитивен, уколочен. Это язык недоумков, подобный лаю.

2015-й в России объявлен Годом литературы. Что подтолкнуло к этому?

Предполагаю, что отчасти и матерный лай, и нынешний молодёжный новояз с преобладанием компьютерного сленга и лагерных словечек заставили всё же задуматься тех, кто наверху, на каком языке говорим, какой нацией себя будем называть.

Недавно принят закон, ограничивающий курение, так как с курением, как говорится, гиря дошла до полу. Разные, ограничивающие безнравственность, законы принимаются, а кто их исполняет? Богатые — точно нет.

Думцам давно пора принять прогрессивную шкалу налогообложения, ведь это своего рода клей между разными слоями общества.

После Года культуры население России культурнее не стало. Где прошли все эти выставки, концерты, встречи со зрителями, — непосредственный контакт деятелей культуры с теми, кто ждёт этого контакта? В подавляющем большинстве — в столицах, за границей. Кому всё это доступно? Догадаться, опять же, нетрудно. Элита элитой, но о народе забывать нельзя.

Литература отличается тем, что, по крайней мере, в библиотеках доступна всем. И от самого человека зависит — повысит он с помощью чтения свой культур-

ный уровень, откликнется таким образом на объявленный Год литературы или нет. Очевидно, что ни от кого другого не зависит и исход собственной борьбы с курением и пьянством.

Все мы, бывает, грешим — и первым, и вторым, и материмся всё чаще, затирая, упрощая и убивая тем самым родной язык. Да и все эти «блин», «бляхмуха» — ловкие уловки, замена нормальных человеческих слов клонами мата.

Русская литература — самый главный бриллиант русского языка. В нём — русская речь, русская мысль, русская жизнь, русская история, русская нравственность... И он играет всеми этими гранями, завораживая и восхищая. Не только в Год литературы, и всего на год, — этот бриллиант подарен нам с рождения и на всю жизнь.

Книг в России читают всё меньше. Переписку в интернете ведут и читают. Но сколько же в ней ненормативной лексики, сколько ошибок... Литературой сии послания не назовёшь, а ведь существовал жанр литературного творчества — эпистолярный.

Чтение умных и добрых книг, также как и физические упражнения, способствует общему здоровью человека, которое, как известно, ни за какие деньги не купишь. Кстати, о спорте говорят в каждом выпуске новостей, а о хороших книгах, пьесах, песнях — почему-то нет.

Мне бы хотелось увидеть современную русскую литературу — исцеляющей, а не заражающей болезнями века, не просто зеркалом, отражающим жизнь, в которой полно всего, в том числе и мата; хотелось бы увидеть её снова ставшей частью божественной истины, вызывающей к совести человека. Чтобы вслед за Пушкиным можно было сказать: «Над вымыслом слезами обольюсь». Слезами очищения и возвышения над воинствующей в двадцать первом веке пошлостью жизни.

Для нынешнего литератора эта вторая задача сложнее, но, решая её, он и становится по-настоящему русским писателем.

ЛИТИНФОРМАЦИЯ

В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ ПЛАНИРУЕТСЯ ВОЗРОДИТЬ ВСЕРОССИЙСКУЮ ПРЕМИЮ ИМЕНИ Н. М. РУБЦОВА «ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ»

Этот и другие вопросы обсуждались на встрече председателя Законодательного Собрания Георгия Шевцова и заместителя Губернатора области Олега Васильева с членами правления Вологодской писательской организации. Говорили о возобновлении литературных семинаров молодых авторов, молодежного литературного объединения, необходимости издания антологии произведений вологодских писателей. «Сегодня в библиотеках области, в том числе школьных, недостаток книг местных авторов. Одним из путей решения проблемы может стать издание антологии, в которой будут собраны произведения лучших вологодских авторов за последние несколько десятков лет», — предложил председатель правления Вологодского регионального отделения Союза писателей России Михаил Карачев.

Писатели подчеркнули также большую значимость работы с молодыми авторами. По их мнению, не каждый, кто занимается сегодня литературой, станет большим писателем, но важно формировать среду, пространство для общения и воспитывать тех, кто понимает ценность хорошего слова и качественной литературы. Для реализации этих целей писатели предложили возобновить семинары молодых авторов, а также работу молодежного литературного объединения «Среда».

Отдельный вопрос касался проведения литературных конкурсов имени двух выдающихся вологодских писателей. «Сегодня дан старт конкурсу современной прозы имени Василия Белова «Всё впереди». А поскольку следующий год юбилейный для Николая Рубцова — поэту исполнилось бы 80 лет — было бы правильно возродить в 2016 году в новом формате конкурс его имени «Звезда полей», — поддержали заместитель губернатора Олег Васильев и председатель Законодательного Собрания Вологодской области Георгий Шевцов.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЭСТАФЕТА

В конце марта в столице Республики Коми — городе Сыктывкаре прошли мероприятия, посвящённые Всемирному дню поэзии. Приглашёнными гостями праздника были члены Вологодской писательской организации Михаил Карачёв и Юрий Максим. Они участвовали в пресс-конференции в Центре культурных инициатив «Югор», в прямом эфире на телевизионном канале «Юрган». В этот день вологодские поэты также прочли лекцию для студентов Сыктывкарского государственного университета на тему «Традиции и новаторство в современной поэзии»: литературные школы» и провели мастер-класс для молодых поэтов Республики Коми.

В заключение, в Литературном музее И. А. Куратова, основоположника Коми литературы, уже в десятый раз прошла поэтическая эстафета, на которой вологодские поэты читали свои стихи. Праздничные мероприятия были организованы Союзом писателей Республики Коми, Министерством культуры Республики Коми и Республиканским домом творчества.

ПОД НЕБОМ РОДИНЫ

Вологодская писательская организация в Год литературы подготовила и выпустила в свет сборник стихотворений «Три звезды». Это уникальное поэтическое издание, где впервые вместе представлены три друга, три вологодских поэта, засиявшие под небом родины во второй половине XX века: Николай Рубцов, Сергей Чухин, Нина Груздева... Все три поэта вошли ныне в историю русской литературы, чья дружба стала легендарной, оставшейся в литературе навсегда. Издание прекрасно оформлено и станет настоящим подарком для истинных ценителей поэзии.

О ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ОЦЕНКЕ

Редакция «Вологодского литератора» просит читателей газеты назвать лучшие материалы, которые будут публиковаться в 2015 году. Итоги читательских оценок будут опубликованы в первом номере «ВЛ» 2016 года.

УРОКИ РУССКОГО

ЧЕЛОВЕКУ дан священный дар Слова не столько для общения, сколько для понимания Божьего Промысла о нем. Особенно остро это чувствуют поэты и философы. Однако нередко мы зарываем этот дар — талант в землю и равнодушны ко всему, кроме страха за свою жизнь. Да, мы много общаемся, при этом много говорим и пишем — но наши слова, как мёртвая вода, часто убивают все живое в душах и сердцах. И настаивает нас расплата:

*Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачнее, как вспомню об этом.*

*И однажды, прижатый к стене
Безобразем, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...*

*Поздно ночью откроется дверь.
Невесёлая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.*

*Поблуднеет и скажет: — Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..*

*И опять по дороге лесной,
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели...*

(«Расплата». Н. Рубцов)

Расплата и страдание пробуждают нас от смертельного сна равнодушия, и мы тогда начинаем слышать живое слово других и сами вдруг начинаем говорить

ЖИВАЯ И МЁРТВАЯ ВОДА СЛОВА

(Читая Николая Рубцова)

по-настоящему — искренне, с покаянием и болью сострадания.

*Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что громко запоёшь.
Любая тема —
Поля или моря,
И тема гор —
Всё это будет ложь!*

(«О чём писать ...». Н. Рубцов)

Живое слово не умирает. Даже произнесённое более полувека назад, оно по-прежнему живо, и тогда мы говорим о таком человеке — пророк. Речь идёт о Николае Рубцове, который написал в 1960 году стихотворение «Видения на холме», где есть слова, которые, как мы думали, относятся к прошлому, но оказалось — к будущему. Они жгут нас сейчас — в 2015 году:

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
В окрестностях России.
Кресты, кресты...
Я больше не могу!*

Около пяти тысяч убиенных в окрестностях России — в Новороссии! Голоса погибших — громче голоса живых! Они

нас пробуждают от сна равнодушия, раскрывают фальшь мёртвых слов, которые рекой льются на всех конгрессах, ассамблеях и бесконечных заседаниях важных чиновных людей, множатся в газетах, на радио и телевидении.

А поэт чутко слышит:

*Кто-то стонет на тёмном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне.*

Да, тревожно и страшно! Но поэт знает тайну России, её сокровенную благодатную силу и утешает нас живым словом своей поэзии:

*«Чудный месяц плывет над рекою»,—
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!*

*Не пугают разбойные лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.*

*И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!*

*Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...*

(«Тайна». Н. Рубцов)

Каждое слово этого стихотворения живит, открывает правду истинной

русской жизни. Но слышим ли мы это живое слово? За грохотом и шумом мертвых слов мы утрачиваем слух, перестаём понимать живые слова правды и поэзии. Нас тянет или к бесплодному многословию, или, наоборот, — к резким движениям и словам: Короче! Супер! Не проблема! Реально! Круто! Блин! Все эти слова — прелюдия к магу, смертельному оружию тёмных сил, которое разрушает чистоту нашей жизни и губит её. Ведь на целомудрии стоит мир: все неестественное губит нас. Удивительно: сквернословие так дорого некоторым современным деятелям культуры, что без него им и книгу не написать, и фильм не снять, и спектакль не поставить! «Коротенькие люди» — так метко назвал Ф. М. Достоевский тех, в кого вселились бесы, несущие духовную смерть. Это их мертвый язык!

А нам нужны слова Истины и Вечной Жизни. И ведь мы знаем, где их услышать. Стоит только немного помолчать в тишине и послушать собственную совесть, понять собственное сердце... А когда услышим, то поймём: за такие слова и умереть не страшно.

*Всё я верю, воспрянувши духом,
В грозное своё бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто всё перейдёт в забвенье...*

(«Мачты». Н. Рубцов)

Людмила ЯЦКЕВИЧ,
доктор филологических наук

ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

МЛАДШИЙ брат Боря был копией Коли Рубцова. Разница в возрасте — один год. Оба родились в Емецке. Но уже в 1937-м, когда Боре было несколько месяцев, а Коле полтора года, семья переехала в Няндому. Переезд был связан с переводом Михаила Андреяновича на работу в Няндомский леспромхоз. Сначала Рубцовы жили в благоустроенной квартире. Но после того как Михаила Андреяновича арестовали, обвинив его в антисоветских высказываниях, жизнь семьи оказалась на самом краю. Велено немедленно убираться с квартиры.

Новое местожительство квартирой не назовёшь. Лачуга, где было четыре подслеповатых оконца, глядевшие в сторону железной дороги. Грохот составов доносился сюда днём и ночью. И маленький Боря часто соскакивал с деревянного лежака, дрожа от испуга всем своим худеньким тельцем.

Не стало кормильца, и члены семьи, в которой, кроме Коли и Бори, были их старшие сёстры Надя и Галя, брат Алик, сама Александра Михайловна и бабушка Рая, испытывали постоянный голод. Пришлось молоденькой Наде, забросив учёбу, устроиться на работу. Она и выручила семью. Но выручила ценой своей жизни. Умерла, когда ей шёл 18-й год.

К счастью, Михаила Андреяновича, просидевшего в предварительной камере в ожидании суда, которого он так, кстати, и не дождался, оправдали.

Боре было четыре года, когда Рубцовы покинули Няндому. Поселились за Вологдой по соседству с Прилуцким монастырём. Дом им сдали в аренду зажиточная хозяйка, уезжавшая на всё лето к Чёрному морю.

Это было счастливое время детства. Вечерами, приезжая с работы домой, Михаил Андреянович брал в руки гармошку. Играл на ней. Александра Михайловна, обладая красивым голосом, подпевала. Рядом были сынки: Алик, Коля и Боря. Отец не учил их игре на гармонике. Не до этого было. Весь в

делах. Так ребята и сами днём, когда дома была только мать, снимали с горки гармонь и начинали водить пальчиками по кнопкам. Александра Михайловна не умела строжить. Однако предупреждала:

— Не дай Бог, если папка увидит вас при гармонии...

— Не увидит,— заверял её Коля.

На фото Борис Рубцов

— Я буду глядеть из окна,— заверял и Боря.— Как папку увижу, так Колюхе и крикну: — Идёт!

Целое лето пикикали мальчики на гармошке. Даже больше того, услышав по репродуктору музыку, пытались её точно же скопировать нота к ноте. При этом всё время спорили, убеждая друг друга на том, какие звуки у них фальшивят, а какие идут, как по радио, в лад.

Иногда к их игре пристраивалась Галинка, напевая под музыку братьев новую песню, слова которой, пока репродуктор вещал, с ходу запоминала.

Привлекала братьев в Прилуках и сонная, вся в зеркалах тихиходная Вологда. Особенно в воскресенье, когда вся семья выходила к зелёному обрыву. Александра Михайловна с дочкой собирали цветы. Михаил Андреянович,

радуясь воле, едва раздевшись, бросался в реку, чтобы тут же её переплыть. Глядя на папку, кидались в реку и его сыновья. Голые, как индейцы. С индейским гоготом и ныряли. Впереди — старший Алик. Вслед за ним — забиячливый Коля. А по-за Колей — и Боря.

Славное было время. Однако вернулась с юга хозяйка. И дом в Прилуках пришлось оставить. В новой квартире, уже в самой Вологде, в деревянном, с двумя этажами доме, на улице Ворошилова, 10, семья распалась. Александра Михайловна родила здесь дочку. Но та заболела и умерла. Александра Михайловна тоже занемогла и вскорее сошла вслед за дочкой в могилу.

БЕРЕЗОВЫЙ ЛИСТ

Документальный рассказ

Стояло лето 1942 года. Михаил Андреянович — на войне. Дети одни. Именно в эти дни у всех четверых началось преждевременное взросление. Галю взяла к себе жившая в Вологде сестра Михаила Андреяновича тётя Соня. Алика приютили в ближний детдом. Коля и Боря на несколько дней предоставлены были самим себе. Наконец, вспомнили и о них. Обоих определили за 18 километров в село Красково, где был дошкольный детдом. В книге учёта воспитанников детдома против фамилии Рубцов стояли две записи: «Мать умерла. Отец в Красной армии».

Музыка! Вот что сильнее всего волновало братьев. Репродуктор вливал в спальню мальчиков то стихию бравого марша, то песенку о Катюше. Слушали братья и то, и другое. И наполнялись одновременно любовью к простору и воле,

к шёпоту ив над рекой, гудку парохода и дорогим, неизвестно откуда являвшимся голосам папы и мамы.

14 октября 1943 года стал днём разлуки. Колю переводили в один из детдомов Тотемского района. Предстояла дорога на пароходе. Хотел бы с ним в эту дорогу и Боря. Но вместе нельзя. Из-за возраста. В детдом, куда ехал Коля, брали лишь тех, кто пойдёт в первый класс. Шестилетний брат обнимал семилетнего.

— Всяко увидимся? — спрашивал Боря.

— Обязательно! — отвечал ему Коля.

Однако увидеться не пришлось. В память о младшем брате осталась у Николая его фотография. Боря сидит на одной из скамеек села Приютитина, около летнего огорода. В руках — баян. Не собственный — брата Алика. Нажимает на пуговки инструмента и сквозь мелодию звуков слушает голоса, пробившиеся из детства, где он оставил свою родню.

Повзрослев, братья искали друг друга. Боря нашёл лишь Алика. Николая найти не мог: тот служил в это время в морфлоте.

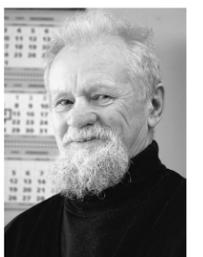
И Николай искал своих братьев. Нашёл только Алика. И Борю вот-вот был должен найти. В записной его книжке записан адрес:

«Краснодарский край, Успенский район, хутор Соседелийский, Рубцову Борису».

Адрес прочёл я в посмертном блокноте Рубцова. Запись адреса брата была последней. Всего скорей, Николай собирался поехать в Соседелийский. Собирался, да не успел. 19 января 1971 года, когда ему было всего 35, не стало поэта.

А где же Борис? Если бы знать... Пропал тихо и незаметно, как лист с берёзы, улетев в самый близкий, однако невидимый край.

Сергей БАГРОВ,
лауреат
Всероссийской премии
им. Н. М. Рубцова
«Звезда полей»

МОЛОДАЯ ВОЛОГОДСКАЯ ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

Творческая судьба молодых современных поэтов зависит от того, какую дорогу они избирают сами, кто встретится им на этом пути, на кого будут ориентироваться в литературной жизни. Сегодня на поверхности российского молодежного стихотворчества, как пена, проявляется в качестве образца для подражания «европейский» тип самовыражения индивидуальности. И насаждается он как «цивилизованный» путь развития литературы в противовес традиционному пониманию русской литературы. Самовыражение это в нынешних столичных литературных образцах доходит до нравственного самовыворждения.

Молодые вологодские поэты из Шексны Николай Дегтерёв и Григорий Шувалов, учившиеся в Литературном институте и успевшие видеть Юрия Поликарповича Кузнецова в качестве руководителя поэтического семинара, получили прививку от современных литературных болезней.

«Вологодский литератор» представляет подборку стихотворений молодых авторов, не играющих в поэзию, а ищущих собственную тропу, выводящую на коренной путь русской поэзии.

М. КАРАЧЁВ

НИКОЛАЙ ДЕГТЕРЁВ

Николай Дегтерёв родился в 1986 году в поселке Шексна Вологодской области. В 15 лет получил «боевое крещение» от Ольги Александровны Фокиной. Ее советы многое дали ему в понимании поэтического ремесла. Участник VI форума молодых писателей России в Липках. Окончил Литературный институт им. Горького. Лауреат премии имени Евгения Курдакова.

И В ДОМЕ МОЁМ
РАССТУПИЛСЯ МРАК...

Жизнь, конечно, — это путь,
Путь от матери к Отцу.
Жизнь, конечно, — это суть,
Недоступная слепцу.

А слепец — любой из нас,
Если только Бог ему
Не откроет в некий час
Очи лику Своему.

АВТОБИОГРАФИЯ

Как справиться с этим вихрем, с таким
Чудовищным вихрем дней?
Идет этот вихрь по моим родным,

Уносит родных людей.
Так был у меня отец, но он
Однажды ушел во тьму,
А может быть, за небесный кордон
К Господу моему.
И маму, и многих-многих других
Земля в себя приняла.
А жизнь шла по земле без них,
Как бы по их телам.
И время шло, стучали часы,
Стучали мои поезда.
И, будто звезды, склонялись весы
В сторону смерти. Да,
Я думал, что близок и мой конец,
И я принимал конец.
Но вдруг я увидел, что жив отец,
В ладони сжимая крест.
И в доме моем расступился мрак
Перед новой семьей,
Перед другими родными, как
Те, что слились с землей.
И в доме моем голоса звучат,
Машинка стирает белье,
Скрипит коляска, сердца стучат —
Сына, жены и мое —
Для новой жизни, для нового дня,
Которому нет конца!
А из коляски глядят на меня
Глаза моего отца.

Я тихое место знаю. Там ветреной ночью
тревожно гудит ивняк,
Там сосны на склоне горы, под ними
дорога в случайных огнях,
Там рельсы дрожат от гуда высокой травы,
Которая каждый звук забирает из синевы.
Там пахнет илом, оставшимся
на берегу реки

После отлива, там тишину нарушают
одни сверчки.
Как будто в деревне, в сенах, засыпая,
ты слышишь вокруг их треск.
Так здесь, утопая в траве, ты со всем
сливаешься, что окрест.

И становишься тенью дерева,
трепетом листьев, запахом хвой,
Забывая эпоху и имя. И город, и голос —
его и твой.

И ступая в холодном лесу,
где этого нет ничего,
Ты выходишь в гору, где тише всего.
Это и есть то место. Здесь только
сверчки трещат.
Здесь огромные голые сосны
которую жизнь стоят.
Здесь шире земля, и потому, куда на ней
ни свернешь,
Одни кресты да ограды, что вряд ли
тише найдешь.

Осень поздняя. Сад молчит.
И веранда стоит в воде.
Там хозяйка одна сидит,
И хозяина нет нигде.
Тихо. Дети не закричат.
Припадает к земле трава.
На веранде вдвоем молчат
Осень черная и вдова.
Выйдешь, станешь чинить крыльцо,
Глянешь в тихий соседский сад:
Неподвижно ее лицо
Сколько дней, сколько лет подряд.

Мой друг, мне снится иногда
Мой двор и детские качели.
Они качаются тогда,
Поскрипывая еле-еле.
Дорога снится в шуме дня.
И каждый раз так происходит —
Дорогой той, забыв меня,
Мои родители уходят
И пропадают без следа.
Качель застонет и споткнется.
И никогда, и никогда
Мне их догнать не удастся

Потеряться в лесу и спокойно молчать.
Как деревья в траве неподвижно стоять.
Никого не просить, ни о чем не жалеть
И в себе навсегда человека стереть.
И растением стать, и расти к небесам.
Даже если умрешь, не почувствуешь сам.

Ах, зачем надо мной шелестели
То ли ивы, березы то ли,
Я не помню — в мае, в апреле,
В сентябре, в феврале, в июле?
Там речушка во тьму бежала,
Ручеек, может быть, канавка,
И хрустальные брызги бросала,
Как цветок, от паденья камня.
Я бросал их с моста, конечно,
Впрочем, это не мост, мосточек,
Восхищаясь игрой нездешней
Раскрывавшихся водных почек.
Время шло, может быть, летело,
Может быть, и ползло, не знаю,
Холодало и вечерело,
Я не помню, я все бросаю.
Камни все покидал я к ночи,
Без следа их вода поглотила.
О, душа моя так же точно
Безразлична и терпелива.

О, подойдет любой мотив,
Аккорд любой,
Лишь выйди, горе ощутив,
Вслед за собой,
Как будто зритель и шпион,
Туда — во мрак,
Где жизнь уходит на разгон
На всех парах.
Смотри, какое торжество
Твоей вины!
Смотри! Но понял ты его
Со стороны.
А чтоб догнать? Чтоб изменить?
Увы и ах!
Порвалась в прожитое нить
Во всех местах.
Так за прошедшим за собой
Из новых глаз
Следить, угадывать разбой
На каждый час.
На каждый час, на каждый миг
Прикован грех.
Любой, любой подходит стих,
Не хватит — всех!
Что стих? Что музыка? Ключи
Не им даны,
Таи, скрывайся и молчи,
Не тронь струны.
Не море рифм, не нот прибор —
Слезу одну.
И смеет Бог твоей слезой
Твою вину.

ГРИГОРИЙ ШУВАЛОВ

Родился в 1981 году в пос. Ладва Республики Карелия. Большую часть жизни прожил в пос. Шексна Вологодской области. Окончил Литературный институт. Лауреат премии «Золотой Витязь», победитель конкурса имени Бориса Примерова.

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ,
ШЕКСНА!..

В этот год обмелела река,
От воды отодвинулись зданья,
Стали ближе её берега,
Так что впору бежать на свиданье.

Снова тучи над лесом сошлись,
Никакого на них угомону,
В самый раз оглянуться на жизнь
И держать до зимы оборону.

Я иду по дождю и тоске,
Вдалеке чёрной точкой собака
Исучает следы на песке,
Как астрологи круг зодиака.

Ветер к берегу гонит волну,
Он не ведает страха и горя,
Я ползу как улитка по дну
Пересохшего моря.

Как безвольно душило меня
Тридцать третье опальное лето,
Порох есть, не хватило огня,
Кисти есть, недостаточно света.

И любовь, что рябиной горит,
Не утешит в осеннюю слякоть,
Недозрелая горечь обид
От её поздних ягод.

Впрочем, хватит уже о больном,
И без этого грусти хватает,
Дома встретят привычным теплом,
И душа отойдёт и отгадет.

А потом снова выпадет снег,
Белый-белый, пушистый-пушистый,
Чтобы горя не знал человек
После осени мрачной и мглистой.

И деревья оденет зима
В небывалый наряд подвенечный,
Не иссякли её закрома,
Их запас бесконечный.

И иду я, дорогой влеком,
Открестясь от унынья и грусти,
Эта жизнь нам далась нелегко,
И легко мы её не отпустим.

Словно горсть непокорной земли
разбросала война обелиски.
Мы в чертоги Победы зашли
и погибших увидели списки.

Мимолётная память войны —
имена, что отныне забыты,
где бутылки больные сыны
расхвостали о грубые плиты.

Свою силу утратила соль.
Под скупые осенние вдохи
мы впитаем отжившую боль
отшумевшей советской эпохи.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Разминая ленивые ноги,
я гулял по Москве сколько смог
и сорвал у железной дороги
мать-и-мачехи жёлтый цветок.

Бесконечно судьбе благодарен
за простую земную красу,
я возьму этот жёлтый фонарик
и в общагу его отнесу.

И пускай он под вечер завянет,
как завяли другие цветы;
не печалься, светлее не станет,
если будешь печалиться ты.

Последняя радость осталась — дорога,
она начинается прямо с порога,

идет мимо школы, петляет дворами,
ее я измерил своими шагами,
за школой ее перерезал трамвай,
и сам я себе говорю — не зевай!

А дальше она поднимается в гору,
с которой катаются в зимнюю пору,
потом она между деревьями вьется,
и кто-то навстречу тебе улыбнется.

Дорога похожа на школьную пропись...
Как жаль, что она упирается в офис.

Привет, Шексна! Как мёртвое сукно,
простой костюм, поношенный и стёртый,
вокзальное подгнившее бревно
закрыл собою европластик мёртвый.

Как я любил первоначальный вид!
Вскочу в маршрутку — резвую повозку, —
и быстро мы помчимся к перекрёстку,
пока автобус вдалеке гремит.

Вот Барбач — мрачный, спившийся район.
Он неопрятен, тягостен и беден,
различными пороками объеден
дита иных, блистательных, времён.

Здесь не найдёшь ни храмов, ни крестов.
Как торжество советского закона
поднялись вышки вместо куполов
и остановка под названьем «Зона».

Торговый центр загадка для ума
на скучном фоне старого Райтопа,
и, кажется, что ветхие дома
построены задолго до потопа.

Руины школы, выцветший бурьян,
пятиэтажки, рынок и помойка.
Над магазином страшная надстройка
похожа на мясистый нос армян.

На Первомайской воткнул, как топор,
фонтанчик поселкового разлива,
и было бы, наверное, тоскливо,
когда б не окрыляющий простор.

Здесь небо греет, как глоток вина.
А вот мой дом. Встречай меня, Шексна!

В Москве все пышно расцветает,
а в вологодской стороне
листочек первый распускает
природа, словно в полусне.

Душа исполнена покоя,
в столице брошены дела,
и ощущение такое,
как будто жизнь назад пошла.

И ты лежишь на верхней полке
и спишь как много лет назад,
а вдоль дороги елки, елки,
как дни прожитые летят.

И мы еще не знали горя
ни с той, ни с этой стороны,
еще не ездили на море,
друг в друга крепко влюблены.

Нас жизнь еще не обломала,
не обманула, не сожгла,
и от вокзала до вокзала,
как будто вечность пролегла,

где мы заложники с тобою.
Но солнца лучик бьет в окно,
и ничего еще судьбою
наверняка не решено.

ДЕБЮТ В «ВЛ»

ГРОССМЕЙСТЕР Романов ехал в Москву на шахматный турнир «Аэрофлот Оупен». Только недавно закончился чемпионат края, где Романов поделил второе-третье места, и вот опять — ответственное состязание, хотя в чисто игровом плане и не такое серьезное. Голова еще не отошла от гамбита Яниша, с помощью которого Романову удалось в последнем туре переиграть Соловьева и выкинуть его из тройки, а гроссмейстер уже продумывал блиц-варианты, которые на краевом уровне всегда приносили успех.

— Чай будем брать? — спросила проводница.

— Я? — ответил Романов. — Нет, спасибо!
— Чего рассеянный-то такой? — добродушно спросил у него толстый старик, сидящий напротив. Этот старик был то ли казак, то ли хохлом. По крайней мере, так показалось Романову на первый взгляд. Его смуглое лицо украшали огромные седые усы, желтые над верхней губой от табака. Глаза старика были широко посажены, широкая нижняя челюсть выдавалась немного вперед; весь его облик подчеркивал в этом человеке дородность и недюжинную — особенно для его лет — силу. Старик этот располагал к себе.

— Да так, — уклончиво ответил Романов.

За эти пару часов, проведенные в одном купе, старик уже во второй раз пытался заговорить с Романовым, но тот и по натуре был человеком не сильно разговорчивым, и, во-вторых, именно сейчас вообще не хотел общаться ни с кем. Он рассчитывал немного отдохнуть в пути. Впрочем, и «человек с большими усами», как про себя назвал его Романов, общался больше со старушкой, место которой оказалось на верхней полке — прямо над стариком. Оба они, по-видимому, были людьми деревенскими, так как все их разговоры (Романов не прислушивался, но обрывки фраз долетали даже до его замкнутого сознания) сводились к курицам, свиньям, удобрениям и прочей сельскохозяйственной ерунде.

— Пардон, господа, не помешаю? — обратился ко всем заглянувший в купе мужчина средних лет. — Вы в шахматы играете?

Романов молча кивнул, стараясь понять, чего хочет этот человек. Старик тоже что-то неохотно, но утвердительно пробурчал.

— Так, может, сыграем? — радостно предложил незнакомец. — Меня Володя зовут, — и он протянул свою жилистую руку старику.

— Сергей, — спертым голосом ответил старик и закашлялся.

— Алексей, — и Романов пожал руку Володе.

— У меня и часы есть, — продолжал Владимир, вынимая из сумочки часы. Романов улыбнулся.

— Да вы фанат шахмат, — решил он сделать комплимент новому знакомому.

Володя на это разулыбался еще сильнее. — У меня и жена из-за них ругается. Я недавно чемпионом района стал, первый разряд получил. А у вас разряды есть?

— Гроссмейстер, — скромно ответил Романов.

— Тогда я — супер-мега-чемпион, — сказал старик и рассмеялся.

Такой юмор Романову не понравился, но он улынулся в ответ. Смех старика перешел в кашель.

— Так давайте чемпионатик и организуем, — предложил Володя, который, кажется, не поверил, что сидит рядом с гроссмейстером. Он достал листок из сумки и наскоро начертил таблицу на троих.

— Да, впечатляет, — доброжелательно отозвался Романов.

— Меня, как говорится, хлебом не корми, — сказал Володя, расставляя фигуры. — А как вас записать? — и он пристально посмотрел на Романова.

— Романов, — ответил гроссмейстер.

Володя написал в первой строчке его фамилию и посмотрел на старика.

— А меня запиши: Юровский! — усатый снова рассмеялся.

«Псих», — подумал Романов, а Володя невзначай записал под фамилией «Романов» «Юровский»

— Извините, друзья, — сказал усатый, — надо перекурить.

— Первая партия у нас с вами, — сказал Володя. — Какую хотите: блиц или классику?

— Блиц, — ответил Романов, которому Володя начал нравиться.

— Начнем, — сказал Володя и, предоставив Романову белые, нажал кнопку.

Когда вернулся старик, Володя снова расставлял шахматы.

— Зевнул я коня, так бы еще можно подержаться, — с нескрываемым удовольствием причитал он. — Так вы, значит, действительно гроссмейстер?

— Да.
Старик недоверчиво и как-то снисходительно посмотрел на Романова.

— Ну, теперь вы черными.

Романов нажал на кнопку. До восьмого хода Володя знал, как играть вариант Винавера во французской защите. На девятом он крепко задумался. А на 14 пришлось сдать — ферзь терялся задаром.

— Да-а, — протянул Володя. — Ни разу еще с гроссмейстерами не играл.

Но в этом сожалении Романов расслышал неподдельную радость.

— Теперь мы с вами играем, — обратился Володя к старику и указал ему рукой на часы. Старик нажал кнопку.

Романов не слишком следил за игрой своих случайных «соперников». Видно

Романов, — не надо было соглашаться.

После того, как вскрылась линия «с», Юровский полностью ей завладел. Стесненность черных стала еще больше. «Это гросс, — подумал Романов, — он играет как Фишер! Почему же я его не знаю?» Романов стал силиться вспомнить старика, но ничего даже отдаленно похожего на этого широкоугого деда на ум не приходило. «На Юсупова чем-то похож», — подумал Романов, и это его немного развеселило.

Но веселился он недолго, потому что попал на вилку: теперь, чтобы не получить мат, приходилось отдавать ферзя за ладью. Романов сдался и пожал руку старику.

— Вы тоже гроссмейстер, — сказал он.
— Я ж тебе говорю, я супер-мега-чемпион.

— А не хотите классику?

— Давай.

— Разрешите, мы по 2 часа сыграем? — обратился Романов к Володе.

— Конечно, конечно, — согласился Володя, — а я наблюдаю.

Они снова расставили фигуры. По жребью Романову достались черные.

Николай ДЕГТЕРЁВ

ГРОССМЕЙСТЕР

Рассказ

было, что старик пытается сыграть что-то мудреное, но сам запутывается в своих же построениях. Он до того запер свою позицию, что теперь прыгал конем туда-сюда, не зная, что предпринять. Но лицо его было очень веселым.

— А чему радуемся? — неожиданно для себя спросил Романов.

— Люблю коней! — с широкой улыбкой отозвался старик.

«Опять, наверное, какой-нибудь идиотский юмор», — подумал Романов и стал смотреть в окно.

Володя без особого труда выиграл обе партии у «Юровского». Он снова расставлял фигуры.

— Чемпион в нашем турнире, кажется, определился, — протянул Володя.

— Почему? — спросил старик. — А вдруг он мне обе партии проиграет!

При этом старик таким странным взглядом посмотрел на Романова, что тому стало не по себе. «Он точно больной», — подумал гроссмейстер, — поскорей бы он вышел.

Романов нажал на кнопку. Они разыграли «испанку», нечто похожее на вариант Чигорина. Романов не слишком следил за ходом игры, он делал ходы на «автомате», как и с Володей. А старик все что-то хотел придумать.

Вдруг Романов заметил, что теряет слона без всякой компенсации. «Что за ерунда? — подумал он, — как это я зевнул?» И в груди у гроссмейстера стало нехорошо, как будто он выпил что-то горькое.

Пришлось отдавать слона. Теперь Романов стал играть более собранно, однако полностью настроиться на игру так и не удалось. Все никак не укладывалось в голове, что он, призер краевых соревнований, едет в Москву играть против Свидлера и Морозевича, а по пути проигрывает какому-то колхознику. Но, тем не менее, так оно и было. После того, как старик выиграл слона, он очень технично консолидировался на ферзевом фланге, уже готовый начать там штурм. Романов все не мог понять: конечно, преимущество в слона — это веско, но для того, чтобы выиграть у гроссмейстера, нужно было... ну, хотя бы кандидатом в мастера.

А техника старика впечатляла. «Нет, это минимум мастер, — решил Романов, — а то и международный».

А время все таяло. Вот, наконец, старик начал надвигать свои пешки и провел одну из них в ферзи. Романов сдался.

Володя с недоумением посмотрел на Романова, а потом с еще большим недоумением — на Юровского. А тот уже расставил фигуры, и указал гроссмейстеру на часы.

Они разыграли «сицилианку». Все еще не опомнившийся от поражения краевой призер позволил утвердиться старику на поле «d5» конем. Теперь фигуры Романова напоминали каких-то выжатых жизнью старух, которые вынуждены были топтаться на одном месте. «Я устал, — подумал

ка. Тут Володя и Романов заметили, что все в вагоне ложатся спать.

Романов тоже вдруг почувствовал себя чрезвычайно усталым.

— И я лягу, — сказал он Володе, боясь, как бы тот не предложил ему еще партию.

— Так я досочку заберу? — спросил Володя, уже складывая фигуры и убрав в сумку часы.

— Конечно, конечно, — ответил Романов с полки.

Володя ушел. Романову не спалось. Голова начала болеть еще больше. Гроссмейстер уже корил себя: «Не надо было играть, хотел ведь отдохнуть!»

Полчаса лежания дело не поправило. В вагоне выключили свет, за перегородкой кто-то сильно храпел. «Вот это настоящий колхозник», — подумал Романов и с негодованием посмотрел на старика, как будто тот обманул его, притворившись колхозником. Старик уже спал.

Романов пошел в вагон-ресторан. Голова болела, ноги были ватными, а ехать оставалось двое суток. Сможет он за такое время отдохнуть? А ведь завтра Володя опять притащится. Надо будет придумать что-нибудь, чтобы отвертеться. Даже реванш со стариком не прельщал — гроссмейстер, ну и что. Ну, проиграл ему, мало ли в мире гроссмейстеров. Хотя, конечно, силен. Он бы, наверное, и с первой двадцаткой запросто мог потягаться. Силен, силен!..

В вагоне-ресторане было много народу. Романов не стал разглядывать публику, а сразу попросил у девушки две банки пива и чипсы. Когда он, расплатившись, уже собрался уходить, на его плечо легла чья-то рука.

— Лешка!

— А, здорово! — отозвался Романов, похлопывая по плечу человека, которого еще не мог вспомнить.

— Как поживаешь? Куда путь держишь? — интересовался человек.

Наконец, Романов вспомнил его. Вместе учились в университете на старших курсах. Его звали Сергей. Он потом ушел, кажется, в органы. А вот Романов по профессии не работал — шахматы полностью захватили его.

— В Москву еду, на турнир. А ты как, Сергей?

— Слышал-слышал, второе место занял? — сказал Сергей, не ответив на вопрос Романова.

— Ну, второе-третье поделил, — скромно поправил Романов.

— А чего уставший такой? — Сергей так и продолжал держать Романова за плечи.

— Да так, играл тут с одним гроссом.

— С тобой едет?

— Да, вместе.

— На турнир?

— Не, наоборот; он странный какой-то.

— В каком смысле? — заинтересовался Сергей.

— Обычный старик, про куриц рассуждает, про уток. Курит как паровоз. А играет на уровне элиты.

— Ну-ка, ну-ка, поподробнее, — заинтересовался Сергей.

— Да зачем тебе?

— Для общего развития.

— Ну, старик как старик... — начал Романов.

— Ты подожди, подожди, — перебил его Сергей и, все так же, не разжимая хилых гроссмейстерских плеч, усадил его за столик.

— Девушка, водочки нам и поешь чего-нибудь! — скомандовал он продавщице.

— Не, я водки не буду, — отказался Романов.

— Ну, символически, за встречу, — радушно начал убеждать его Сергей.

— Не-не-не...

— Ну, ты даешь!.. Ну, так давай, расскажи про старичка. Как зовут, как выглядит?

— Да зачем тебе? — недоумевал Романов. Друг его, кажется, никогда шахматами не интересовался.

— Государственная тайна! — шепотом сказал Сергей, наклонившись к Романову, а потом рассмеялся. Хотя глаза оставались серьезными.

— Оп-ля! — сказал Сергей и открыл вдруг оказавшуюся у него в руке бутылку водки. Он быстро налил по рюмочкам, игнорируя отнекивания Романова.

— Ну, за тебя!

— За тебя! — сказал Романов и тоже выпил.

— Так каков этот твой таинственный чемпион? — спросил Сергей, уже улетающая какой-то салат. Такой же салат оказался

• Окончание на 5-й стр.

ГОСТИ «ВЛ»

Леонид Кириллович Иванов родился на лесном кордоне в Вашинском районе Вологодской области в 1949 году. После школы работал на слотке леса, строительстве ЛЭП, заведовал сельским клубом. В 17 лет стал сотрудником районной газеты «Волна», где тогда был редактором Василий Елесин, и снимал комнату вместе с Сергеем Чухиным. Из Липина Бора был переведён в Череповец на областное телевидение, работал и дружил с Леонидом Беляевым, часто общался с Виктором Коротаевым. После окончания Ленинградской высшей партийной школы переехал в Тюмень, где трудился главным редактором областного телерадиокомитета и одновременно — редактором регионального выпуска газеты «Труд». С 2014 года Леонид Иванов возглавляет Тюменскую областную организацию Союза писателей России и является главным редактором альманаха «Врата Сибири». Леонид Иванов — автор рассказов, повестей, романов, изданных в России, а также переведенных на несколько иностранных языков.

НА ЗЕМЛЕ ТЮМЕНСКОЙ

— Леонид Кириллович, расскажи кратко, что представляет собой современный литературный процесс на Тюменской земле?

— В те времена, когда Вологодская писательская организация по праву считалась одной из самых сильных в Советском Союзе, блистая именами Александра Яшина, Николая Рубцова, Василия Белова, Ольги Фокиной, Виктора Коротаева и многих других поэтов и прозаиков, бывших на слуху практически у всей страны, Тюменская организация тоже имела солидный вес. Её авторитет поднимали Константин Лагунов, Зот Тоболкин — по произведениям которых снимали художественные фильмы, а их пьесы ставили ведущие театры, в том числе — столичные. Известен был Иван Истомин, а также и «князь сибирской литературы», как его называли друзья, самородок с семью классами образования — Иван Ермаков. В тогда ещё единой Тюменской области жили и плодотворно творили Юван Шесталов, Анна Неркаги, Юрий Вэлла, Андрей Тарханов, Роман Ругин, Николай Шамсутдинов. Потом старшее поколение покинуло этот мир, в минувшем году ушёл из жизни и наш последний классик Зот Тоболкин.

Тюменская область в 90-х годах распалась на три субъекта, в каждом образовались писательские организации, и область стала славиться только нефтью и газом. Не стало ежегодных писательских десантов, которые приезжали в растущие северные города, на буровые и в трассовые посёлки, из-за ослабшей экономики перестали проходить Дни литературы, и процесс захирел. Отказ от государственной идеологии, в рамках которой литераторы получали весомую поддержку, вынудил писателей заниматься чем угодно, но не художественной литературой. Те, что ещё сочиняли, не в силах остановиться, искали спонсоров и издавали свои книги мизерными тиражами. Некоторые романы и теперь выходят в количестве 100 экземпляров. Понятно, что эти книги даже в грани-

цах своей области появляются далеко не во всех крупных библиотеках, не говоря уже о сельских. Не стало всероссийских семинаров, конференций, а о домах творчества, где шёл бурный обмен мнениями, а нередко рождались новые идеи и сюжеты, пришлось забыть. На полки книжных магазинов хлынул вал низкосортной развлекательной и графоманства. Распад единой писательской организации на областную, Ханты-Мансийскую и Ямало-Ненецкую, а также раздел Союза писателей СССР на Союз писателей России и Союз российских писателей тоже сыграли не лучшую роль. Борьба двух амбициозных лидеров между собой и желание «тянуть одеяло» на себя привели к тому, что на собраниях в организации СПР стали приходить шесть-семь человек из 30, а в СРП и вообще вся уставная работа прекратилась. За последние десять лет в Союз было принято всего два человека.

Теперь, когда в областной организации Союза писателей России полностью сменился состав бюро, когда удалось расшевелить наших литераторов, когда к нам потянулись молодые, талантливые и перспективные, появилась и надежда на возрождение былого авторитета Тюменской писательской организации.

— Находят ли сибирские писатели поддержку у региональной власти, если да, то какую. Как бы хотелось выстроить отношения с региональной властью?

— Ежегодно в бюджете области предусматриваются деньги на книгоиздание, есть совет по книгоизданию, но издаются, в основном, дорогостоящие альбомы к датам, на собственно художественную литературу приходится в год по три-четыре книги. Правда, помогают издаваться за счёт своего депутатского фонда депутаты областной Думы. Например, за прошлый год при их поддержке издано 11 книг. Уже полтора десятка лет издаётся литературно-художественный и историко-краеведческий альманах «Врата Сибири», возглавить

который в прошлом году доверили мне. Городская библиотека финансирует альманах «ЛИК», при поддержке общества русской культуры вышел первый номер альманаха «Живое слово».

В канун Года литературы я беседовал с председателем областной Думы Сергеем Корепановым на тему поддержки литературы и писателей. В том числе мы говорили и о необходимости какого-то поддоя государственного заказа на книги, которые нужны для воспитательной, патриотической работы в обществе. Скорее всего, эта поддержка может быть в форме грантов. Так, к примеру, у нас в стране до сих не создано ни одного глобального художественного произведения об освоении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. А ведь это уникальное явление в мировой практике! Ничего подобного никогда и нигде ещё не происходило. Но это до конца не осознано не только писателями, но и политологами, экономистами.

Минувшим летом мне довелось побывать на Шукшинском фестивале на Алтае. Там в интервью одному из телеканалов я сказал, что было бы хорошо Президенту России привезти на Алтай всех губернаторов и показать, как надо относиться к культуре и к литературе в том числе. Только Шукшинские чтения собирают каждый год более двадцати тысяч человек. А таких фестивалей в крае проводится ежегодно три.

Я же на протяжении целого года так и не смог добиться встречи нашего губернатора с писателями. На этой встрече мы планировали поставить вопрос об оказании адресной помощи нашим старейшим писателям, а у нас треть перешагнула 75-летний возраст, вопрос об учреждении губернаторской премии в области литературы, ещё несколько более мелких проблем. А отношение губернатора к писателям определяет модель поведения и для других чиновников. На писательское собрание за неделю до начала Года литературы не появился никто даже из департамента культуры. Более того, писателей на встречи с читателями в города и районы области, иногда за 300-400 километров я вожу на своей машине.

— Леонид Кириллович, чувствуется ли в Тюмени «разорванность» литературного процесса в современной России? В смысле обмена книгами, творческими достижениями и т. д.?

— Я не скрываю, что с возрастом начинаю всё больше и больше брехать. Наверное, это признак наступления старости. Нельзя сказать, что у нас всё из рук вон плохо. В Уральском федеральном округе уже несколько лет существует литературная премия Полпреда, и наши писатели ежегодно получают около трети всех лауреатских дипломов. В прошлом году два диплома из трёх в номинации «проза» увезли мы, третий достался москвичу. У нас уже более десяти лет проходит межрегиональ-

ный конкурс «Книга года», в котором есть 19 номинаций.

Но, пожалуй, соглашусь с тобой: того насыщенного литературного процесса, который был в советские времена, конечно же нет, и наверное, уже не будет. Что касается внутрирегиональной жизни, мы четыре года назад создали литературное объединение, которое стало площадкой, объединяющей все Союзы писателей, а их в Тюменской области уже четыре. К нам на ежемесячные заседания люди приезжают из Ишима, Тобольска, из сельских муниципальных образований за 300-400 километров. Работа этого литобъединения дала импульс для зарождения литературных творческих объединений теперь уже почти во всех муниципальных образованиях. Но вся их работа ведётся исключительно на общественных началах, и зачастую не на базе библиотек, которые бы должны не просто пускать «квартирантов», а быть организаторами их деятельности.

— Как тюменские литераторы планируют провести «Год литературы»?

— На Год литературы у нас планы намечены грандиозные. Открываем год выставкой книг тюменских писателей в областной Думе. Почему в Думе? Потому что депутаты поддерживают писателей. Таким образом, мы надеемся укрепить и расширить их поддержку. Пятый год выходит в эфир на областном радио моя авторская программа «Книгозор», в этом году к еженедельным выпускам добавятся ещё дополнительные получасовые каждый месяц. Продолжает выходить, хоть и «похудевший» из-за кризиса литературный альманах, мы намечаем не реже раза в месяц выезжать в районы области на встречи с читателями.

Ко Дню писателя мы подведём итоги объявленного в прошлом году конкурса молодых авторов, по его итогам пройдёт семинар и будет издан сборник. Деньги на него уже выделил мой старый друг, депутат областной Думы, Герой России Владимир Шарпапов — прототип героя фильма «Кандалгар». Кстати, сам он тоже пишет замечательные стихи.

Большая работа намечена по увековечению памяти наших литераторов. Уже составлен список библиотек, которым мы предлагаем присвоить имена не только ушедших из жизни коллег, но и наших старейших, отмеченных престижными литературными премиями писателей. В январе имя Зота Тоболкина получила Заводоуковская городская библиотека.

На протяжении многих лет тюменских писателей не отмечали ни государственными наградами, ни даже Грамотой губернатора. Надеемся, что в Год литературы эту несправедливость удастся исправить. И надеемся, что из-под пера наших писателей выйдут и увидят свет новые добрые книги.

Г. САЗОНОВ
Тюмень — Вологда

Николай ДЕГТЕРЁВ

ГРОССМЕЙСТЕР

Рассказ

• Окончание. Начало на 4-й стр. и перед Романовым. Сейчас гроссмейстер отказываться не стал и тоже приступил к еде.

— Старик. Высокого роста. Голова круглая, как мяч. Усы большие. Желтые.
— Почему желтые? — спросил Сергей.
— Курит много.
— А...
— Зовут Сергей. Тезка твой.
— А особые приметы есть? — поинтересовался Сергей.
— В шахматы играет, как... компьютер.
— Неужели это он?..
— Кто он?

— Да так, мысли вслух... Слушай, ты посиди тут: мне надо звоночек сделать — и, подмигнув Романову, он ушел.

Романов, уже немного захмелев, принялся за пиво. «Эх, завтра голова опять будет болеть», — подумал он.

За окном шел снег. Снег и снег. «Утомительный снег», — подумал Романов. Ему очень сильно хотелось спать. А Сергей все не шел и не шел. В другой раз Романов дождался бы друга, но теперь, будучи уже сильно пьяным, он решил уйти. По дороге Романов заскочил в туалет, а когда

пришел в свой вагон, бухнулся на полку и сразу уснул.

Он проснулся на какой-то станции. Что за станция, понять не мог. Он вообще в поездах плохо спал, часто просыпался по ночам. Никак не мог привыкнуть, хотя ездил много.

Проводница, заметил Романов, проснувшись, разбудила старика и о чем-то его просила. Он, кажется, стал собираться, что-то недовольно бурча. Романов решил сделать вид, что спит. Кажется, это удалось. Во всяком случае, старик один раз поглядел на Романова, но тут же и отвернулся. «Злой какой-то», — подумал Романов, одним сощуренным глазом разглядывая старика в вагонной полутьме.

Старик, наконец, оделся и вышел. Романов полежал еще несколько секунд и выглянул в окно. Там был зелено-бежевый вокзал, слабо освещенный фонарями. На перроне, напротив входа в их вагон, стояла кучка людей. Вдруг к ним вышел старик. Эти люди стали что-то говорить старику. Он что-то отвечал, а потом пошел с ними. «Куда, интересно?» — подумал Романов, но тут же переключился на хромую дворнягу, которая бегала около сваленных коробок.

Романов лежал и смотрел в окно. Хмель еще не прошел, но и не тошнило, хорошо было лежать и ни о чем не думать. Вдруг поезд тронулся. «Э, а где старик?» — подумал Романов. Ему вдруг стало обидно: а вдруг он где-нибудь нализался на вокзале, а без него уехали. «Вот я нализался, но без меня же не уехали!» — подумал он и слез с полки. Романов пошел по узкому проходу, то и дело задевая выставленные ноги пассажира и с трудом извиняясь.

— А где старик? — спросил он у проводницы.

— Что? — не поняла та.

— Старик со мной ехал, с такими желтыми усами, — объяснял Романов и чувствовал, что язык его заплетается.

— Он вышел, его попросили, — нехотя ответила проводница.

— Ну, как!.. Нельзя без него уезжать! — пытался восстановить правду гроссмейстер.

— Это его остановка, — шутиливо ответила проводница. Впрочем, Романов принял это всерьез.

— Да? — спросил он. — Ну простите... — и пошел спать.

«А я ведь и не спросил, куда он едет, — думал Романов, задевая чьи-то ноги, — недалеко он, оказывается, ехал». Ноги кончились, началась его полка. Он лег и вновь провалился в сон...

В первом же туре «Аэрофлот Оупен» Романов играл белыми против какого-то гросса из Нижнего Новгорода. Его соперник выбрал Янниша. Романов чуть не присвистнул от счастья. До 20 хода они шли по партии, игранный в поезде. А по-

том Романов сделал тот самый тихий ход ладьей, который пару дней назад заставил его сложить оружие в игре с этим самородком из русской деревни. Нижегородец продумал сорок минут и сдался.

Радуясь легкой первой победе, Романов немного расслабился и вечером, купив пива, сел перед ноутбуком, чтобы посмотреть какую-нибудь комедию. Но стартовая страница выдала новость, которая его заинтересовала. Почти на всех новостных порталах журналисты муссировали эту новость, лишь немного меняя стиль сообщений. Суть же везде была одинакова:

«Взаимоотношения России и США могут омрачиться скандалом, связанным с задержанием Михаила Шеева, который, предположительно, занимался шпионажем в пользу ЦРУ на территории России. Михаил Шеев был задержан сегодня ночью на станции Анжерская. По просочившейся информации, Шеева выдала его страсть к игре в шахматы. Михаил Шеев был одним из самых перспективных советских шахматистов в конце 70 — начале 80-х, его называли одним из возможных претендентов на звание чемпиона мира. В 1980 году он эмигрировал в Англию, а затем в США. Там он, по-видимому, и был завербован ЦРУ и отошел от активной шахматной жизни. Однако совсем играть не бросил, продолжая участвовать в спарринг-матчах с Сейраваном, Камским и другими американскими шахматистами. Михаилу Шееву пока не предъявлено официальное обвинение. Ведется следствие, о подробностях которого пока не сообщается».

АНТОЛОГИЯ ВОЛОГОДСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Василий Иванович Сиротин (1830 — после 1885) родился в семье пономаря в гор. Грязовце. Окончив Вологодскую духовную семинарию, был возведен в сан священника и направлен в один из приходов вологодской епархии. Затем был переведен в Спасо-Каменский монастырь. В 1860 году возвращается в Вологду, но вскоре снова отправлен в Арсеньев-Комельский монастырь Грязовецкого уезда. В своих стихах — таких, как «На докладе у сатаны», «Друзья, свобода наша пала» — В. Сиротин высмеивал чиновников-бюрократов, обывателей. А стихотворение «Улица, улица, ты, брат, пьяна...» стала известной песней.

Раз возвращаюсь домой я к себе,
Улица странною кажется мне.
Левая, правая где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

И фонари так неясно горят,
Смирно на месте никак не стоят.
Так и мелькают туда и сюда.
Эх, да вы пьяные все, господа.

Левая, правая где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

* * *

Ты что за рожи там, месяц, кривись,
Глазки прищурил, так странно глядишь,
Лишний стаканчик хватил, брат, вина;
Стыдно тебе, ведь уж ты старина.

Левая, правая где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

С вами ль тягаться, собой рисковать?
Лучше к цыганкам вернуться опять.
Левая, правая где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

В ЗАЩИТУ КЛАССИКИ

Валентин КУРБАТОВ

С КРАСНОЙ СТРОКИ

ПО ВЕСНЕ в прошедшем году я прочитал в «Снобе» злую статью Александра Невзорова, в которой он приветствовал отвращение к книге у детей. И не утерпел — выписал: «... а что, собственно, детям читать? Классику? Почему надо употреблять продукт, у которого явно закончился срок годности... Богоискательская истерика Достоевского имеет к сегодняшнему дню такое же отношение, а как шумерские глиняные таблички. Пафосное, мучительное многословное фэнтези Толстого о войне 1812 года тоже своё отжило».

Я, было, разгневался и кинулся на защиту классики и «срока годности», но, раздумавшись, остановился. Может быть, жёсткий честный публицист был разочарован не самими «богоискательской истерикой Достоевского» и «многословными фэнтези Толстого», якобы не имеющими к нынешнему дню отношения, а как раз тем, что они имеют слишком близкое отношение и вот читаны-то читаны и как будто в свой час остро пережиты, а дальнего учительного следа этого чтения в народном сознании нет. Какова же тогда цена слова, если оно не выполнило своего назначения и не вразумило человека, если он «попереживал, попереживал», а не переменялся, и вот опять всё надо начинать сначала. Себя-то не хочется корить, нас тогда и на земле не было, но до современников-то должны были классики дозваться, отцы-то должны были услышать. Ну, а не услышали, значит и «сроку годности» конец. А вот не конец.

Откроем нарочно «Дневник писателя» Достоевского за сентябрь-декабрь 1877 года и поглядим — устарело ли писательское слово: «...не будет у России и

никогда не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согласится признать освобождёнными. Начнут же они свою новую жизнь... с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, ручательство и покровительство их свободе... и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись... Может быть, целое столетие, или ещё более, они будут трепетать за свою свободу, заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на неё и интриговать против неё...».

Надо ли продолжать перед выпуском украинских новостей? Не вспомнить ли заодно и Болгарию, которой Россия отдала столько сил на Шипке, чтобы Болгария потом выступила во второй мировой войне на стороне Германии, а в наши дни валила памятник Алёше?

Вот чем можно быть задетым — этой глухотой к писательскому слову. Да и разве только о них — Украине, Болгарии — тут речь? А про нас-то самих у того же Достоевского не горше ли, когда он воспроизводил рецепты реформаторов культуры 80-х годов XIX века: «Мы намерены образовать наш народ помаленьку, переделав его национальность в иную. Образование построим на отрицании всего прошлого, а чуть выучим народ грамоте, начнём оболыщать его Европой, заставим его стыдиться своего прежнего лаптя и квасу, подействуем на слабые струны народа. И, когда он застыдится своего прошлого и проклянет его, тогда уж народ наш...».

К чему это я всё веду-то? А вот к «Году литературы» и веду. Что не у неё, литературы, «срок годности» истёк, а у нас, у нашего духовного устройства. Когда же мы, правда, перестали слушать своих писателей, совесть свою, с какой поры отнесли их слово к «литературе»? А вот, кажется, с той поры, как сами сознали себя, так и стали. Писарев накричит на Пушкина, научит Базарова ставить «сапоги выше Шекспира», Маяковский вообще сбросит Пушкина с корабля современности (уж очень мешали его свет и свобода, которые, кажется, только по-русски и говорили в небесной полноте). Ну, а теперь уж, естественно, ни Писарева (кто помнит сегодня его пламенные статьи?), ни Маяковского (этому досталось ещё больше, его вообще постарались в нарицательные перевести).

Эта «традиция» живуча. Давно ли нашей последней великой литературой, литературой «большого стиля» была «деревенская»? Скажешь: Астафьев-Белов-Распутин и вы уже вместе, и вы уже народ и ваши сердца согласны независимо от того, тонкий ли вы интеллектуал или деревенская старуха, которой эти книжки прочитает внук. А сегодня вон «герой нашего времени» Дмитрий Быков прямо нам в глаза пишет:

«В русской литературе семидесятых годов XX века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистническому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданническому лицемерию. Это направление, во многом определившее интеллектуальный пейзаж позднесоветской эпохи, получило название «деревенщичество», хотя к реальной деревне, разумеется, отношения не имело... Их подмывало обличить в жидовстве и беспочвенности тот новый народ, который незаметно вырос у них под носом и в который их не пускали, потому что в массе своей они были злы, мстительны, бездарны и недружелюбны.

Деревенщичество отстаивало не мораль, а домостроевские представления о ней, с гениальным чутьём — вообще очень присущим низменной натуре — выбирая и нахваливая всё самое дикое, грубое, бездарное». Вот так — не пускали деревенщичество в народ. Да они бы и сами в этот «народ», «наросший у них под носом», шагу не ступили. Ведь повернётся же язык сказать о «Последнем поклоне», «Последнем сроке», «Привычном деле» (ах, чувствовали «деревенщичество» мёртвый шаг новизны), как о литературе «мстительной, злой и бездарной». Что это как не «расчистка пространства» для нового забвения, для новых «украин», для нового вопроса Великого инквизитора ко Христу: «Зачем Ты пришёл нам мешать?». Что это как не потрошение смыслов великих слов, чтобы набить их своим подменным содержанием на скорую продажу? И вот всё мелеет на глазах, текст легчает и становится «необязательным к исполнению», просто «текстом», чего вовек не бывало в русской литературе. Так исподволь, не замечая подмены, прощаемся мы со своим великим наследием, подольщаясь, как в недавней политике к «цивилизованному человечеству», «гражданскому обществу» и иным, непостижимым, не содержащим плоти и смысла отвлечённостям.

Вот для чего Россия объявляет «Год литературы», как всеобщую духовную мобилизацию, как призыв к прозрению, к мужеству и свету. Оказывается, для труда и мира мужества потребно больше, чем для войны. Старая литература знала это всегда. Дай Бог, чтобы узнала и современная. Как там у «устаревшего» Толстого: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Как просто...».

«День литературы», 2015
(публикуется в сокращении)

СОВРЕМЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. XXI ВЕК

ХОРОШО было, когда российского президента с почётом принимали европейские лидеры. Но ещё лучше, когда ему никуда ехать не надо. Мне нравится поворот Путина к России и поворот России к себе самой. Этот поворот уже не проглядишь. Президент больше не ездит в Орду, ему не нужен ярлык на княжение, у него есть согласие народа, к которому он пришёл.

Он не поехал маячить перед толпой с табличками «Я и есть тот самый Шарли»; он не протискивался, как Нетаньяху, локотками в первый ряд для съёмки; не болтался, как средний европейский премьер, на парижских улицах. Ему не нужно плевать на Магомета. Он не Шарли, и его народ не Шарли. В России таких кощунников никто не убивает — власти лечат их безумие двумя годами исправительных работ.

Европейские проблемы — дело европейцев, запутавшихся в своей слишком сложной игре. Великие лидеры США, Китая и России туда не поехали.

Путину не нужно готовить вторжение в Сирию и Йемен. Если он туда поедет, местный народ расстреляет перед ним красный ковер. Ближний Восток любит Россию — она всегда поддерживала Палестину, а Палестина — это сердце Востока.

ПУТИН НЕ ЕДЕТ В ОРДУ

Путину не нужно закручивать гайки и вводить матрицу тотального контроля, как английскому премьеру и французскому президенту, — его народ его поддерживает. Ни у кого нет такой народной поддержки в сегодняшнем мире — последним был Уго Чавес.

Он не едет в Освенцим, клясться в верности иудео-американской империи, выстроенной на приватизированных триумфах Красной Армии. Русские освободили Освенцим, спасли его узников, дали им жизнь. Русскому президенту не нужно там ничего доказывать. Пусть туда едет Яценюк — ведь русские в 1945 ворвались и оккупировали, по его словам, не только нацистскую Германию, но и яценюковскую Бандеровщину, не позволили папе Яценюка сгноить папу израильского премьера в Освенциме. Пусть туда едет Бенья Коломойский, и оправдывается за поддержку нацистов «Айдара» и «Азова». Пусть едут французы, отправившие в Освенцим своих евреев. Пусть туда едут американцы, покрывают измену бывлым союзникам. Им надо стоять и оправдываться. Русским не надо.

Если поляки и евреи не встанут и не потребуют от своих правителей привести московского повелителя, наследника своих спасителей, — туда ехать не надо.

Наконец-то России возвращается её гордость, та гордость, которую являли суровый усатый маршал, любивший «Герцеговину Флор» и его верный Мистер Нет. Давно пора было. Больно было смотреть на Путина, поехавшего в Ирландию на встречу «восьмёрки» и в Австралию на встречу «двадцатки» — он выглядел, как русский князь в Орде, среди надменных ханов и баскаков. Те унижали его, кичились своим господством. Но Русь окрепла, и в Орду больше не надо ездить.

Если вы спросите, когда совершился этот поворот, от долгого стояния на Угре к вольности Руси, я вам скажу. В Рождественскую ночь, когда Путин пошёл на полуночную службу — не в парадном костюме в один из великих храмов московских или питерских, не рядом с патриархом, а в глухую воронежскую деревню, одетый в простой вязаный свитер, вместе с беженцами из Луганщины он праздновал Рождество Христово. Это

было подобно венчанию с коренной глупинной Россией.

Это был и религиозный выбор, как тот, что совершил князь Владимир. Не культ холокоста, не культ гендерной толерантности, не культ Европы, не почитание американских ценностей — он избрал Христа для России.

Не я один заметил и понял смысл этого шага. Опытный политик Михаил Делягин пробормотал: «Он ушёл от столичных либералов, они его не простят. Успеет ли дойти до России?». Успел. Мы видим это по его блистательным не-поездкам на парижское позорище и на освенцимское целование хановой длани. Понял это и Сергей Лавров, его соратник, — в Париже он оставил прочих лидеров «фоткаться» с толпой и пошёл в православную русскую церковь.

Впереди много трудных испытаний. Те, кто в 1991 году бросал ветеранам «Лучше бы вы проиграли войну, сейчас мы бы пили баварское», скажут: «Лучше бы он поехал и поцеловал у барина ручку, а мы бы пили шампанское». Но воля дороже «понтов», а Россия к своему празднику Старого Нового Года обрела не только волю — она, наконец-то, обрела самое себя и достойного себя правителя.

Израэль ШАМИР
День литературы, 2015

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ

Николай УСТЮЖАНИН

НАМ, ГАГАРАМ...

...17 НОЯБРЯ 1982 года капитан Гагара, командир батареи ПВО учебной части под Харьковом, проснулся рано: позавчера страна простилась с Генеральным секретарем Леонидом Ильичом Брежневым, а сегодня надо было заменить его большой портрет над аркой у входа в батарею.

Вооружившись складной лестницей, Гагара, — широченный грек со смоляными волосами, темными глазами и трубным голосом, — снял фото почившего генсека, отдал его солдату, а на освободившееся место деловито повесил рамку с изображением нового Генерального — Юрия Владимировича Андропова.

«— Нам, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни...», — напевал он себе под нос, но так громко, что в самых дальних углах казармы можно было услышать его бас.

9 февраля 1984 года Андропов умер. Спустя неделю Гагара, мрачный и взъерошенный, — то ли от слухов, то ли от недосыпа, молча, но с видимым раздражением прикрепил на насиженное место портрет полумертвого Константина Устиновича Черненко, немного успокоился, проверив издали свою работу, и угрожающе просипел: «— Нам, гагарам, недоступно наслаждение...»

10 марта 1985 года умер Черненко. Через три дня Гагара, уже майор, возмущенно стуча сапогами по деревянному полу, приволок лестницу, снял портрет, грохоча на всю казарму: «— Вот ведь, мать, какое дело, к нам, гагарам, прилетело!..» — и взял из рук прапорщика завернутый в серую бумагу прямоугольник. «— Сейчас Горбачева повесит!» — шептались солдаты, но промахнулись: майор раскрыл «новинку» — это была всем знакомая фотография Владимира Ильича Ленина. Энергичное движение рук — и вожь мирового пролетариата устремил строгий взор в сторону умывальной комнаты.

«— Ну, все!» — Гагара с облегчением выдохнул воздух, складывая лестницу и, беря ее подмышку, протрубил: «Больше сюда лезть не придется — этот точно не умрет, всем ясно?! Будет висеть здесь вечно!»

И, подхватив из рук помощника перевернутое лицо покойного, бодро зашагал к выходу:

— Нам, гагарам...

Сергей СОЗИН

«НАШ ОТВЕТ
КЕРЗОНУ»

...СУДЕТСКАЯ область — (бывшая немецкая территория, отошедшая к Польше по итогам войны). Международный курорт. Масса немецких тури-

стов, старых и молодых, прибывших на родину своих предков.

У нас — День части. Проведя торжественную и спортивную части праздника, семьи офицеров и прапорщиков «выехали на природу», на берег озера вышеупомянутого курорта. Сидя за «скатертями-самобранками» и поднимая тосты: «За нашу героическую часть! За силу русского оружия! За тех, кого с нами нет, и никогда не будет! За тех, кто на дежурстве, вахте и гауптвахте!» — мы прислушивались к крикам восторга, периодически раздававшихся с озера.

Там, как оказалось, две местных «звезды», подражая популярному тогда Тарзану и, имитируя его знаменитый крик, развлекали туристов прыжками с десятиметровой вышки.

Каждый раз, когда раздавался очередной вопль зрителей, наш командир заметно мрачнел. Замполит, как ему и положено, чутко уловил метаморфозы в настроении шефа и справился: о чём тот закручинился? И они, оживлённо жестикулируя, о чём-то посоветовались, после чего «комиссар» выразил озабоченность командования: «Надо утереть нос этим недоноскам... Орлы! Если мы сейчас сиганём вон с той скалы, считайте, что жизнь прожита не зря!»

Все устремили свои помутневшие взоры в указанном партии направлении. Скала нависала над озером на умопомрачительной высоте. Но этот факт, собственно говоря, никого уже не смутил: мужская часть коллектива готова была штурмовать хоть Эверест.

«Наш ответ Керзону» не заставил себя

долго ждать. Прихватив кое-что со стола, новоиспечённые «альпинисты» выдвинулись в направлении безымянного пика. Взобравшись на вершину и взглянув вниз, замполит предложил последний раз всем вместе сфотографироваться. Так и сказал: «Просто на память! На всякий случай...»

И, добавив: «Прыгать, если только я вынырну!» — сверкнул лысиной и ухнул в бездну. Вслед за ним, естественно, не дожидаясь никакого всплывания, с криками «ура!» посыпались все остальные. Этакий «русский десант» из-под небес на головы донельзя изумленной публике.

Когда у собравшихся гостей прошёл легкий шок, и на берегу, матерясь и придерживая семейные трусы, стали появляться покорители «полюса недоступности», — на многих языках мира зазвучало: «Рашен... Руссише золдатен!..»

А поскольку я, более или менее, понимал по-немецки, то еще достаточно чётко разобрал, как один из немцев выговаривал своему отпрыску: «Надеюсь, теперь ты понял, почему они сегодня у нас здесь, а не мы у них — там!..»

Покинутые дамы встретили нашу братию аплодисментами и криками «Браво!», а командир обнимал каждого героя, утирая слёзы умиления и беспрерывно повторяя: «Молодцы!.. Просто — мо-лодцы!..»

После этого до глубокого вечера к нам тянулись «делегации всех стран и народов», чтобы лично засвидетельствовать восхищение увиденным, а еще сфотографироваться на память с «русскими камикадзе».

На вышке — до самого нашего отъезда — уже больше никто не появлялся...

ИЗ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ: УРОКИ ИСТОРИИ

...В ПЕРВОЙ половине сентября 1812 года в Вологду пришло известие о вступлении французских войск в Москву. К этому времени город был уже заполнен тысячами беженцев из разных губерний России.

Будущий декабрист Дмитрий Завалишин в своих воспоминаниях так писал о пребывании в Вологде в 1812 году (ему было тогда около десяти лет):

«Вологду мы нашли набитую уже битком приезжими, удалившимися из губерний, ближайших к Москве и Петербургу... Живо помню и до сих пор глубоко поражавшие меня сцены у церкви Спаса Обыденного... Помню очень хорошо, что всегда не только сама церковь, но и вся площадь перед нею бывали сплошь набиты народом, и там, при совершении ежедневного молебствия об избавлении от врагов, вид коленопреклоненного, оглашающего площадь рыданиями народа производил на меня потрясающее, никогда не изгладимое впечатление.

Общее отчаяние после взятия Москвы было тем сильнее, что никому уже не доверяли: везде видели несомненные доказательства измены, приводя даже слова, будто бы сказанные самим Бонапартом, что у русских стены (народ) крепки, да столбы (вожди) слабы...»

Из московских знаменитостей в Вологде пережидали военную грозу поэты: князь П. А. Вяземский, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, профессор Московского университета Христиан Шлецер и знаменитый врач Рихтер.

П. А. Вяземский вел из Вологды обширную переписку, и по ней мы можем сейчас представить себе жизнь Вологды того времени.

К. Н. Батюшков писал Вяземскому в свой родной город из Нижнего Новгорода, куда привез из Москвы свою тетушку Екатерину Федоровну Муравьеву: «Я обрадовался твоему письму, как самому тебе. От Карамзиных узнал, что ты поехал в Вологду... Познакомься с моим зятем и полюби его: он добрый человек и меня любит, как брата».

Речь здесь идет о Павле Алексеевиче Шипилове, который был женат на сестре Батюшкова Елизавете Николаевне.

«Мы скоро познакомились и сблизились с ним и сестрами Батюшкова», — вспоминал потом Вяземский, который так объяснял свой приезд в Вологду: «Выбор мой пал на этот город потому, что в Вологду ехал наш знакомый знаменитый московский врач и акушер Рихтер.

Жена моя была беременна первым своим ребенком и вскоре должна была родить. В ожидании родов ее Рихтер просиживал у нас целые часы и в комнате перед спальней ее писал известное свое сочинение о медицине в России («История медицины в России»).

О том, что первый сын П. А. Вяземского родился в Вологде, мы узнаем из письма к нему известного русского историка и писателя Н. М. Карамзина от 16 октября 1812 года:

Убежище Москвы

«Любезнейший князь и княгиня! От глубины сердца радуюсь и поздравляю вас с рождением любезного сына... Вот новый источник сладчайших удовольствий здешней жизни. Рождение вашего Андрюшки останется навсегда памятным... Дай бог, чтобы родильница и рожденный были совершенно здоровы и чтобы Вологда впоследствии времени не напоминала вам ничего, кроме приятного!..»

В те годы жили в Вологде и свои знаменитости. Так архиепископом Вологодским был в то время известный писатель, автор «Словаря русских писателей», философ и историк, друг Державина Евгений Болховитинов. Это ему посвятил Гаврила Романович свое знаменитое стихотворение «Евгению. Жизнь звонская».

Губернским прокуратором служил тогда в Вологде известный поэт и переводчик, издававший в свое время в Петербурге журнал «Любитель словесности», Николай Федорович Остолопов. Он был также дружен с Державиным, которому посвятил еще в 1803 году написанную и изданную в Петербурге повесть «Евгения или нынешнее воспитание».

В интересных беседах с ними часто и проводил время Вяземский. Вспоминая их, Петр Андреевич рассказывал, как однажды он прочитал Остолопову письмо своего друга А. И. Тургенева, в котором было какое-то «счастлирое и пророческое выражение». Вологодский поэт сразу же написал свое стихотворение, закончив его так:

«Нам зарево Москвы
Осветит путь к Парижу».

«Таким образом, — писал Вяземский, — в нашем вологодском захолустье выведен был ясно и непогрешительно вопрос, который в то время мог казаться еще весьма сомнительным и в глазах отважнейших полководцев, и в глазах дальновидных политиков. Недаром говорят, что поэт есть вещий. Мог ли Наполеон вообразить, что он имел в Остолопове своего злого вешего и что отречение, подписанное им в Фонтенбло в 1814 году было еще в 1812 году дело уже предре-

шенное губернским прокуратором в Вологде».

Осенью 1812 года в Вологду начали прибывать и пленные французы. «В прогулках моих по Вологде, — вспоминает Вяземский, — встречал я часто пленных французов в самом жалком и бедственном виде. Зима была жестокая, а одежда и обувь их были совершенно летние. Сострадавая к их положению, я открыл подписку для сбора некоторой суммы денег на покупку им тулупов, теплых рукавиц, валенок и проч. Я очень был рад тому, что русские штыки, русские пушки и русские морозы истребляют на русской земле вооруженных французов. Но, следуя русской пословице, так хорошо выражающей русское чувство: «лежачего не бьют», я не видел патриотической потребности и обязанности добывать и домаривать обезоруженных французов, находившихся в плену под крепким караулом. Несчастливым была оказана посильная помощь. Вследствие того и познакомился я с некоторыми французскими офицерами, приходившими ко мне с выражением своей признательности».

Об этом же пишет и вологодский историк Фортунатов: «В Вологду в то время приходила почта раз в неделю. С лихорадочным нетерпением ожидали все получения газет и вестей из Петербурга. Покойный отец мой рассказывал, что каждый почтовый день стояла куча народа около лавки купца Коровникова, получавшего газеты. В числе слушателей были и пленные французы, коченевшие от русского мороза. Отцу моему, воз-

вращавшемуся из гимназии мимо этой лавки, не раз приходилось переводить для французов газетные известия о бегстве Наполеона из России».

Но Вологда в 1812 году была не только убежищем для людей. Сюда тогда же, как сообщает тот же Ф. Фортунатов, «привезена была из Москвы святыня: патриаршая, соборная, Троицко-Лаврская и некоторых других монастырей ризницы с патриаршей библиотекой, делами московской консистории и синодальной канторы».

Все эти московские ценности были помещены в одной из церквей Спасо-Прилуцкого монастыря и хранились там «в течение с лишком двух месяцев, с 3 октября до 12 декабря».

Об этом еще в 60-х годах прошлого века напоминали некоторые детали. Так, однажды, во время ремонта келий, где жили «лица, доставившие в Прилуцкий монастырь Московскую святыню», были найдены стихи, написанные карандашом на оконном косяке. Их автор — угрешский игумен Павел писал:

*В то время, в грозную для церкви ту годину
Как новый Юлиан в надменности своей,
Безбожною рукой коснулся алтарей,
(Разбойник, взяв царя подложную личину).
Как сорван крест Христов*

*с Ивановской главы,
Как града жители от буйств врага
страдали,
(Их крыло рубище — тирана вечный стыд)
В то время в сих стенах спокойно
пребывали*

*Игумен и архимандрит.
Один — монастыря угрешского Николы,
Другой святителя, что в Греции глаголы
В железные сердца златые изливал
И Златоустом свет которого назвал.
О, адских замыслов коварный исполнитель!
Прерви змеиный тон парижанин Лессепс.
Нас глазом матерним Москва к себе зовет,
Прости, священная обитель!
Как ты покоила, как ты хранила нас,
Так да покоит Бог тебя на всякий час.*

Еще одно свидетельство этой истории находилось на крыше келий, где стояли три урны с цветами, а «в средней из них изображение всевидящего ока среди цветов с подписью «1812 год», а под годом двуступище:

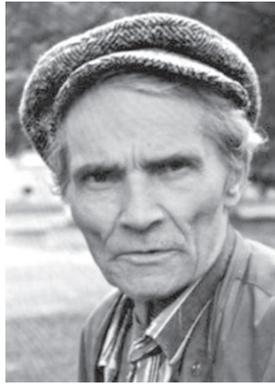
«Безбедно Бог меня в сей лютый год хранил
Москве рассеянной убежищем я был».

Александр ГРЯЗЕВ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Михаил СОПИН

Двадцатый век не обделил поэта Михаила Николаевича Сопина (1931–2004) своими трагическими страницами. Родовые корни – из Гражданской войны – на Курицине и Украине. В детстве – Великая Отечественная война, оккупация и Курская Дуга. В молодости – лагеря. Потом долгие годы литературного непризнания. Затем – жизнь на Вологодчине – и книги, публикации, любовь читателей. С распадом Союза – потеря связи с родными на Украине... Потому в стихах Михаила Сопина так много горечи, жесткости и мудрости.

Лишь сердце тукнет чуть
И будет нам светло и просто.
сильней...

Все иду,
Как маленький,
По степи бездонной,
Будто меня маменька
Прогнала из дома.
И летят без жалости,
Бьют дожди навывлет,
За мои ли шалости,
За грехи мои ли.
По глазам – тяжелый дым
Стылого застолья.
Для потерь и для беды
Полное раздолье.
Не дорога, маета.
Моросно-туманно.
Если, мама, что не так –
Ты прости мне,
Мама...
Будто только лишь для нас
Не к дороге обувь.
Декабрем легла весна.
Травы – под сугробы.
Через поле –
Лунный след.
Все ли в жизни нужно?
Не гаси, родная, свет
В заверети вьюжной.

ВЫЙДУ В ПОЛНОЧЬ...

Выйду в полночь
И сяду у дома,
Гляну в даль
И душой загорюсь:
Там весеннего ветра гомон
В синих тучах качает зарю.
Дождь капелью по лужам
булькает,
Словно кот языком молоко.
И качает бабушка люльку
В нашем доме под потолком.
И опять я бы стал тем самым,
Долю горькую не кляня.
И тихонько пела бы мама,
И качала, качала б меня...

Все прозрачнее
Верб купола.
Что-то рвется во мне,
Что-то ропщет.
Может, юность
Внезапно взошла,
Словно месяц
Над дальнею рощей?
Кто ты? Где?
Отзовись... Не молчи.
Но душа
Что-то ищет незряче:
То ли кто-то
Забывший,
Кричит,
То ли кто-то,
Отвергнутый,
Плачет...

Плачу я, что ли,
Листою осеннею наземь...
Что-то привиделось,
Что-то припомнилось мне...

Поле ты, поле,
Единственный свет мой
И праздник.
Тени дождей,
Отраженные в давнем окне.
К ним припаду,
Чтобы памятью
Здесь отогреться,
И загудят
Мне в зеленых полях
Поезда.
И зазвенят
Проржавевшие
Старые рельсы,
Что заросли
И теперь не ведут никуда...

1941

Ни седоков,
Ни окриков погони –
Видений бег?
Сквозь лунный хуторок
В ночное поле
Скачут,
Скачут кони
В ночное поле.
В призрачность дорог.
Вбирает даль,
Распахнутая настесь,
Безумный бег,
Срывающийся всхлип.
Им несть числа!
Ночной единой масти
Исход коней
С трагической земли.
Багровый свет –
То знаменье иль знамя?
Предвестный свет
Грядущего огня...
Я жив еще
И до конца не знаю,
Как это все
Пройдет через меня.

МЫ ПОД ХАРЬКОВОМ

Мы под Харьковом.
Лучшей наградою
Капля сна.
На окопной глубине
Я уснул.
И увидел – как падают
Порыжевшие листья рябин.
И осевший багрянец за Камой.
И – таежный туман над рекой.
И меня сквозь пожарища мама
Тихо гладит по каске рукой.

Я НЕ ЗНАЮ, ПОЮТ ЛИ
ТЕПЕРЬ...

Я не знаю,
Поют ли теперь
Перепелки во ржи –
Когда можно, как в воду
Войти в знойный запах
над рожью!
Пусть никто обо мне
Никогда не услышит:
«Он жил...»
Я хожу и сейчас
Под дождями,
Тайгой, бездорожьем.
Пропадаю в туманах
И лугом дышу голубым,
И польною,
И запахом

Яблонь и вишен!..
В это трудно поверить –
Как был я богат,
Как любим!
Всё вошло в моё сердце,
Всё помню,
Всё вижу, всё слышу.
Я приветствую жизнь:
Лошадей,
И луга,
И луну,
Голоса поездов,
Пассажиров,
Названия станций.
И в рассветы столетий
Входя,
С головой утону,
Чтоб душою и сердцем
Остаться,
Остаться,
Остаться.
Вы летите, летите
К желанной
Далёкой звезде!
Я останусь навек –
Там, где детство
Как привкус от вишен!
Где любая изба
Проскрипит вам:
«Он только что вышел».
Журавлей над Россией
Спросите –
Ответят:
«Он здесь».

Ой по полю, по балкам,
по спускам
Ходит память и плачет
по-русски.
Ходит память землёю горящей,
Долю во поле ищет незряче.

Не тужи, не ходи круг за кругом,
Не зови убиенного друга –
Стало поле польною-травой,
Стала девица чёрной вдовою.

Где ты, долушка, где ты, какая?
Ходят дети, отцов окликают.
Ходит дождик по ярови синей,
По России, по всей по России.

СНЕГАМИ ПРИБЬЕТ
ЛЕБЕДУ...

Снегами прибьёт лебеду.
И следом,
По ярови синей,
Я тихо
В Россию войду
И молча пройду по России.
Поднимется к небу душа
И стихнет,
Вселенной послушна.
Не надо меня утешать.
Прошу, утешений не нужно.
Во след ураганной зиме,
Сквозь белые,
Беглые глыбы,
Пошлите мне
Тайну улыбок,
Что я в судьбе не имел.
Мне каждую осень, клубясь,
Летать над равнинною синью.
Не мы открываем себя,
Но мы
Продолжаем Россию.

КТО СКАЗАЛ, ЧТО НЕ ПЛАЧЕТ
ТРАВА?..

Кто сказал,
что не чувствуют
птицы?
Кто сказал,
что не плачет
травы?
И душа,
Перед тем,
как разбиться,
Высочайшей
печалью
жива:

К маяку,
к тростнику у болотца,
К тополям,
что вросли в хутора,
Ко всему,
что еще остается,
Ко всему,
с чем прощаться
пора...

Поглядишь на врага,
как на брата!
Чуя сердцем
некрепкую нить –
Как же так,
Уходить
без возврата,
Как же так?
Чтоб не стать,
Чтоб не быть?

Тяжко, душно –
Вон месяц
над чащей!
И молюсь
на коленях,
в пыли –
Будто мне
По ошибке
дичайшей –
Приговор
Безнадёжный
Прочли.

ТРОПИНКИ НАШИ

Александру Цыганову

Сломали все, что строили,
И снова в светлый путь:
В потоп антиистории,
В поход, куда-нибудь...
Под лозунгами смелыми
Сгорая для потех,
Не то ценить умели мы
И выбирать не тех –
И бранью, и окопами,
И дикостью вины
Тропинки наши вскопаны,
Мосточки сожжены.

Сердце, не дури.
Сердце, замолчи.
Все перегорит,
Как свеча в ночи.
Как уходит вдаль
Караван гусей,
Пролетят года
И печали все.
То, что так болит,
То, что так гнетет,
Словно ветер лист,
Время разметет.

ОСТАНЕМСЯ ВДВОЕМ

Давай останемся вдвоем,
Измажем лица земляникой.
Ты мне расскажешь о своем,
А может, просто небылицу:
Об увлечениях, куражах,
Чтоб все явилось как во сне бы...
А можно просто полежать,
Уставясь в синий полог неба.
Потом в зеленой лебеду
Как будто бы задремлешь даже...
А я тихонечко тебе,
Как тихий ветер, грудь поглажу.
Ты будешь в яви, как во сне
Лежать, как девочка-подросток.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

МАЙДАН: ЭХО «БЕЛОГО ДОМА»?..

ЕЖЕДНЕВНО большинство каналов телевидения России вещает о событиях на Украине, волнениях в Харькове, Одессе... Намозолил уже глаза сюжет, когда Сашко Белый унижал прокурора Ровно, автоматом призывал депутатов любить самостийную Украину, угрозой оружия разогнал слушателей на концерте рок-группы. Специалистами анализируются стрельба снайперов на Майдане, причины этого явления, интересы различных группировок в кровавом исходе противостояния, делаются попытки найти заказчиков.

Чем глубже стремишься вникнуть в происходящее, тем больше осознаешь, что это уже было, правда, в других странах, в другое время. Вспоминается вильнюсская телебашня, когда погибли

безвинные люди в угоду мракобесам от политики. Объективное расследование так и не провели тогда по горячим следам, а задним числом вину стали сваливать на спецназ, отменяя улики, реальные факты, свидетельские показания. Или вернемся к событиям октября 1993 года в Москве. Ведь тогда тоже работали снайперы, но ни одного из них так и не нашли, расследование не провели, все ушло в небытие, замаято. Думаю, могу и ошибаться, что сценаристы, а может и исполнители этих кровавых событий одни и те же. Причем создается устойчивое мнение, что эти сценарии тиражируются западными спецслужбами уже давно. Когда надо – замалчивают, когда надо – поднимают на щит, прикрываясь демагога-демократической риторикой,

впрягая в эту колесницу всю «свободную» прессу.

Разгул «демократии» на Украине по целому ряду позиций совпадает с тем, что происходило в России в 1993 году... Такая же разнузданная пропаганда в средствах массовой информации против Советов, чеченцев, партийно-советских кадров, вообще, всего советского. Безудержное восхваление либеральных ценностей, западного образа жизни, «свободы» личности и «демократических» ценностей. Что еще характерно, это разгул банд-групп аналогичных формирований «правого сектора». После расстрела Верховного Совета в Москве, на местах царил анархия и хаос. Например, в Вологде группа вооруженных битами, арматурой, пистолетами и ножами молодчиков из-

бывала бывших партийных работников, угрожала любому, кто осмеливался высказывать точку зрения, отличную от официальной – президентской. В ответ на обращения к правоохранительным органам с просьбой о защите от распоясавшихся молодчиков были лишь рекомендации надежнее прятаться. Безопасность обращающихся была в руках самих обращающихся.

По странному стечению обстоятельств, спустя двадцать лет трагедия, происшедшая в России в начале 90-х, повторилась и на Украине. В сознании не укладывается схема случайности происходящего: больно уж четко все режиссировано, организовано и воплощено...

Алексей МАКЛАКОВ,
профессор, доктор экономических наук

Адрес газеты: www.literator35.bl.ee

Адрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru

Издание подготовлено к печати при финансовой поддержке депутата ГД РФ В. Е. Позгалева.

Главный редактор А. А. Цыганов.
Редакционная коллегия: С. П. Багров, В. Н. Баранов, М. И. Карачев, О. И. Ларионов, Ю. М. Максин, О. А. Фокина.

Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не рецензирует и не возвращает, а также не имеет возможности выплачивать вознаграждение за опубликованные материалы.

Тираж издания 500 экз. Цена свободная.
Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.

Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Зак. 1231. Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически – 27.04.2015 г. в 12.00. Выход в свет – 28.04.2015 г.